

ИРАНО-АМЕРИКАНСКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ И ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ СТРАН ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА

Николай Кожанов*

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН)

DOI: 10.20542/2307-1494-2020-1-157-169

Аннотация В конце апреля 2020 г. Иран и США вновь обменялись резкими заявлениями относительно действий военно-морских сил друг друга в Персидском заливе, пригрозив применением силы друг против друга. Хотя в таком обмене угрозами нет ничего нового, два обстоятельства вызывают особую настороженность. Во-первых, обмен заявлениями произошел после длившейся несколько месяцев паузы, последовавшей после убийства американскими военными высокопоставленного офицера Корпуса стражей исламской революции К.Сулеймани в январе 2020 г. Тогда столь резкая эскалация заставила Тегеран быть осторожнее в своих высказываниях и действиях, а последующее начало эпидемии COVID-19 и вовсе отвлекло стороны от продолжения конфликта. Возврат же сторон к агрессивной риторике говорит о том, что США и Иран приспособились к новым условиям и готовы продолжить свою традиционную игру «кто первый струсит». Во-вторых, ирано-американские трения обострились в особо неблагоприятный момент. Такое обострение неизбежно усилит опасения потребителей нефти из региона Персидского залива относительно возможных угроз безопасности поставок сырья. Однако эскалация ударит, в первую очередь, не по интересам потребителей, как это было в предыдущие десятилетия (в 1970-е – 2000-е годы), когда само наличие угрозы экспорту нефти из стран региона вело к повышению стоимости нефти. На этот раз главными пострадавшими окажутся региональные производители, которые могут потерять своих традиционных покупателей. Это отражает как итог нынешней эволюции мирового рынка нефти, на котором правила игры задают уже не производители нефти, а ее потребители, так и смещение акцентов в обеспечении энергетической безопасности стран Персидского залива.

Ключевые слова Иран, Саудовская Аравия, Персидский залив, энергетическая безопасность, ирано-американские отношения, американо-саудовские отношения, нападение на Абкаик

Title Iran-U.S. tensions and energy security of the Persian Gulf

Abstract In late April 2020, Iran and the United States once again exchanged harsh statements regarding the actions of each other's naval forces in the Persian Gulf. The two countries threatened to use force against one another. While such an exchange is nothing new, two factors look particularly alarming. First, statements by the two countries came after a pause that lasted several months since the murder of a high-ranking Islamic Revolutionary Guards Corps officer Qasem Soleimani by the U.S. military in January 2020. At the time, the sharp escalation forced Tehran to be more careful in its statements and actions, and the

* Кожанов Николай Александрович – старший научный сотрудник Группы изучения региональных отношений Лаборатории «Центр ближневосточных исследований» ИМЭМО РАН, к.э.н.

Nikolai Kozhanov is a senior researcher at Group on regional relations, Center for the Middle East Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Moscow.

subsequent COVID-19 pandemic distracted the two parties from the conflict between them. The return of aggressive rhetoric suggests that the leaderships of the United States and Iran have adapted to new realities and are ready to continue their traditional game of chicken. Second, the U.S.–Iranian tensions exacerbated in particularly adverse circumstances. Any new escalation would inevitably raise concerns of oil consumers about possible threats to the security of oil supplies from the Gulf region. Yet, this time the escalation will not primarily damage interests of consumers as it had been the case in previous decades, from the 1970s through the 2000s, when a mere threat to oil exports from Gulf countries led to increase in oil prices. Instead, interests of regional producers, who may lose their traditional customers, are likely to suffer the largest damage. This shift reflects both the evolution of the global oil market (where the rules of the game are no longer set by oil producers, but rather by consumers) and the changing agenda of the Gulf countries' energy security.

Keywords Iran, Saudi Arabia, Persian Gulf, energy security, Iran–U.S. relations, Saudi–U.S. relations, Abqaiq incident

I. Концепция энергетической безопасности и страны Персидского залива

Понятие «энергетическая безопасность» носит комплексный характер и затрагивает сразу несколько сфер деятельности, включая вопросы организации производства, транспортировки энергоресурсов, обеспечения доступа к ним потребителей и организации функционирования рынка сбыта; решение проблем экологии, социального и промышленного развития; юридические аспекты проблемы, связанные с обеспечением соблюдения прав производителей и потребителей энергоресурсов.¹ В частности, Мировой энергетический совет определяет эффективность работы энергетической системы стран с точки зрения взаимосвязанного решения трех задач по обеспечению:

- непосредственно энергетической безопасности, которая определяется как обеспечение базового предложения энергоресурсов из внутренних и внешних источников при надежной энергетической инфраструктуре и возможности удовлетворить текущий и будущий спрос;

- равного физического доступа и экономической доступности энергоресурсов для всего населения;

- экологической устойчивости (безопасности), заключающейся в сокращении интенсивности потребления энергии и выбросов углекислого газа, а также в обеспечении перехода от углеводородных к возобновляемым источникам энергии с низким содержанием углерода.²

Большинство исследователей объединяет все три указанные задачи в одну, направленную на обеспечение энергетической безопасности.³ При этом многофакторность понятия энергетической безопасности, в свою очередь, определяет чрезвычайную сложность ее обеспечения ввиду необходимости учитывать множество факторов и параметров.

В упрощенном виде энергетическую безопасность можно свести к отношениям «поставщик–потребитель» и определить ее как достижение условий, «при которых потребитель имеет надежный доступ к необходимой ему энергии, а поставщик – к ее потребителям».⁴ Иными словами, речь идет как о возможности налаживания устойчивых поставок энергоресурсов в достаточном объеме, так и о формировании взаимоприемлемых цен.⁵ Это, в свою очередь, сводит проблему обеспечения энергетической безопасности к четырем ключевым параметрам:

(1) физической и (2) ценовой доступности энергоресурсов, а также (3) надежности и (4) бесперебойности поставок.⁶

Впрочем, и это определение не охватывает всей полноты понятия «энергетическая безопасность». Традиционно энергетическая безопасность трактуется, в первую очередь, в пользу потребителя, а не поставщика ресурса. Между тем, учет всех интересов потребителя в полной мере не означает соблюдения интересов производителя энергоресурсов, для которого гарантированная возможность осуществления их поставки по приемлемым ценам может являться залогом существования (особенно если речь идет о странах, в значительной степени зависящих от сырьевого экспорта).

Характерно, что энергетическая безопасность поставок углеводородного сырья из стран Персидского залива в течение долгого времени рассматривалась, в первую очередь, с позиций потребителей, которые были заинтересованы в устойчивом получении энергоресурсов из этого региона. Тот факт, что при рассмотрении проблемы энергетической безопасности интересы потребителей нефти из стран Персидского залива часто привлекали куда большее внимание, чем интересы производителей, был во многом обусловлен объективными причинами.

По состоянию на начало 2019 г. в этом регионе добывалось 33% всей нефти в мире, а объем доказанных извлекаемых запасов был равен 48%. Несмотря на то, что последний показатель в последние десятилетия снижался (с 63% в 1990 г.), доля Персидского залива в мировой нефтедобыче в эти же годы была постоянной и составляла 30–33%. Вместе с тем, в абсолютных числах показатели как запасов, так и нефтедобычи постоянно росли. Доля стран региона в мировом экспорте нефти также составляет 34% (доля Саудовской Аравии – 12%).⁷

Экспорт сырья из региона осуществляется преимущественно через узкий судоходный фарватер Ормузского пролива, находящегося в центре одного из самых нестабильных в последние 40 лет районов Ближнего Востока. В указанный период регион Персидского залива пережил кровопролитную ирано-иракскую войну 1980–1988 годов, иракское вторжение в Кувейт 1990 г., войну в Персидском заливе 1990–1991 годов, американское вторжение в Ирак 2003 г., несколько витков гражданской войны в Ираке, противостояние США и Ирана (в ходе которого Тегеран периодически угрожает прервать судоходство в Персидском заливе), а также разрыв катарско-саудовских отношений в 2017 г. Каждый из этих эпизодов в той или иной мере сказывался на поставках нефти из региона или оказывал негативное влияние на ожидания потребителей нефти, что в обоих случаях вело к скачку цен.⁸

Еще в 1973 г. региональные экспортеры убедились в своей способности влиять на мировую экономику, ограничивая или наращивая рост объемов производства нефти. В том году Саудовская Аравия, Абу Даби, Катар, Ирак и Кувейт поддержали решение ОПЕК наложить торговое эмбарго на поставки сырья в те страны, которые поддержали Тель-Авив в арабо-израильской войне 1973 г. Использование нефти в качестве рычага политического давления, впрочем, имело и ряд побочных последствий, которые впоследствии заставили страны Персидского залива с большей осторожностью использовать «нефтяной шантаж» и вводить ограничения на объемы нефтедобычи. Однако этот случай, как и дальнейшие политические кризисы, оказавшие негативное влияние на стабильность поставок нефти из региона, подтолкнули потребителей к выводу о необходимости обеспечения безопасности и устойчивости нефтяного экспорта, в т. ч. путем вмешательства во внутренние дела региона. Это неизбежно вело к

наращиванию западного и, прежде всего, американского присутствия в Персидском заливе.⁹

Начиная с войны 1990–1991 годов в Персидском заливе, закончившейся поражением Ирака, и вплоть до недавнего времени США активно декларировали свою готовность обеспечивать стабильность региональных поставок нефти, выступая покровителями стран-членов Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и находясь в конфронтации с Ираком (до 2003 г.) и Ираном. За этот период у политиков и наблюдателей сложилось устойчивое представление о незыблемости следующих принципов:

- нестабильность ситуации в регионе Персидского залива может иметь долгосрочные негативные последствия для потребителей нефти;
- США будут максимально способствовать безопасности нефтяного экспорта из стран Персидского залива.

Эти принципы никто не ставил под сомнение вплоть до 2019 г., когда, в ответ на попытки США ограничить иранский экспорт нефти, в Персидском заливе Иран задержал несколько иностранных танкеров. Следует отметить, что такого рода акции Тегеран ранее не практиковал. В мае и июне 2019 г. в Оманском заливе на выходе из Ормузского пролива произошла череда атак на нефтеналивные суда, за которые никто ответственность так и не взял. Активизировались попытки ракетных обстрелов хуситскими повстанцами нефтяной инфраструктуры Саудовской Аравии со стороны Йемена. Возникшая угроза экспорту сырья из стран Персидского залива на удивление мало сказалась на динамике нефтяных цен, реагирующих на указанные инциденты лишь краткосрочными скачками.

Вашингтон не торопился вмешиваться в происходящее, несмотря на то, что за подрывной деятельностью явно или косвенно просматривалась рука Тегерана, асимметрично отвечавшего на попытки США заставить иранское руководство пересмотреть политику по развитию своих ядерной и ракетной программ, а также умерить претензии на лидерство на Ближнем и Среднем Востоке.

II. Атаки на Абкаик и Хурайс: начало перемен?

Привычный порядок был окончательно поставлен под вопрос событиями 14 сентября 2019 г., когда воздушной атаке подверглась саудовская инфраструктура по хранению и частичной переработке нефти в Абкаике и Хурайсе. Виновные в организации этой атаки так и не были найдены: до сих пор существуют споры о том, откуда прилетели нанешие удар дроны и о том, использовались ли для атаки ракеты. Формально вину возложили на все тех же йеменских хуситов, что оставляет открытым вопрос о степени самостоятельности их действий.

В первые дни после атаки на эти объекты международное экспертное сообщество поторопилось назвать указанные события одним из самых чувствительных нефтяных шоков, которые испытывал мировой нефтяной рынок с 1973 г. Действительно, нападение на нефтеперерабатывающие заводы в Абкаике и Хурайсе временно снизило добычу саудовской нефти на 5,7 млн. баррелей в сутки (5% общемировой добычи). Столь ощутимое разовое сокращение нефтедобычи вызвало к жизни множество негативных прогнозов. В частности, говорилось о том, что если Эр-Рияд в течение одного-двух месяцев не сможет вновь восстановить прежний объем производства, то имеющихся резервных производственных мощностей других стран-экспортеров нефти будет недостаточно, чтобы компенсировать нехватку саудовской нефти на рынке. Последующий дефицит предложения, как ожидалось, в свою очередь должен был

привести к тому, что цены на нефть значительно повысятся. Некоторые эксперты даже делали нереалистичные прогнозы, согласно которым цены могли превысить порог в 100 долларов США за баррель, что увеличило бы доходы ключевых нефтедобывающих стран и нанесло бы ущерб интересам таких основных потребителей нефти, как США, ЕС, Индия, Китай, Южная Корея и Япония. Ожидалось также, что сокращение экспорта саудовской нефти решит проблему глобального переизбытка ее предложения и позволит членам так называемой группы ОПЕК+ отказаться от ограничений добычи, которые они впервые ввели в 2016 г. для поддержания стабильных цен на нефть.¹⁰

В своих прогнозах эксперты обращались к опыту 1973 г., примеряя тяжелые для потребителей последствия краткосрочного нефтяного эмбарго практически пятидесятилетней давности к сегодняшнему дню. Однако их прогнозы не сбылись. Королевство Саудовская Аравия (КСА) смогло достаточно быстро восстановить объемы своей добычи, а также поддержать объемы экспорта на нужном уровне, своевременно задействовав имевшиеся нефтяные резервы и перераспределив потребление нефти внутри страны. Краткосрочное падение добычи нефти в Саудовской Аравии привело к лишь непродолжительным скачкам цен на нефть, за которыми уже в последующие дни наблюдался частичный спад. Следует учитывать, что упомянутые скачки цен во многом определялись спекулятивным характером современного нефтяного рынка, отсутствием полных данных об ущербе инфраструктуре Абкаика и Хураиса и неопределенностью сроков ее ремонта. Отсутствие ясности вызвало панику и, соответственно, способствовало росту цен. Кроме того, некоторые покупатели саудовской нефти, в частности Индия, не имели достаточных запасов для того, чтобы обеспечить свои потребности в долгосрочной перспективе: так, по некоторым оценкам, стратегических запасов нефти в Индии было достаточно для обеспечения ее потребностей только в течение девяти дней. Опасения этих потребителей саудовской нефти и ожидания того, что им придется искать альтернативные источники поставок, усилили рост цен. Как только перспективы глобального нефтяного рынка прояснились и негативные ожидания оказались беспочвенными, цены снизились.

Падение добычи саудовской нефти оказалось гораздо более чувствительным для нефтехимической промышленности самого королевства и для потребителей ее продукции. С одной стороны, инцидент в Абкаике наглядно продемонстрировал, что Саудовская Аравия успешно диверсифицировала свою экономику за счет развития нефтегазовой отрасли. Однако он также обнаружил уязвимость экономики, развитие которой основано преимущественно на вертикальной диверсификации, означавшей для Саудовской Аравии развитие передового нефтехимического сектора на базе существующей нефтегазовой отрасли.¹¹ Падение объемов нефтедобычи лишило ведущие нефтехимические компании КСА сырья, от которого зависели объемы производства и экспорта, а значит и доходы. Это, в свою очередь, наглядно продемонстрировало, что в системе координат энергетической безопасности Саудовская Аравия, как и большинство стран Персидского залива, не должна восприниматься исключительно как производитель нефти. Развитие экономики по пути диверсификации сделало для стран региона не менее актуальными те вызовы, с которыми приходится иметь дело потребителям энергоресурсов. Между тем, значение нефтехимической промышленности Саудовской Аравии для мирового рынка соответствующей продукции трудно недооценить. Многолетние программы диверсификации превратили КСА в ведущего производителя этилена (9% мировых мощностей), полиэтилена (8%

мировых мощностей) и моноэтилена (8% мировых мощностей), которые являются важным сырьем для широкого спектра отраслей промышленности, начиная автомобильной и заканчивая упаковочной промышленностью. В отличие от потребителей нефти, клиенты саудовских нефтехимических компаний в Европе и особенно в Азии оказались менее подготовленными к перебоям в поставках, когда их партнеры из Саудовской Аравии сообщили им о возможных задержках в октябре и ноябре 2019 г.¹²

Довольно неожиданной стала реакция США на произошедшие атаки. Вашингтон заявил об усилении группировки американских войск в регионе.¹³ Однако 20 сентября 2019 г., комментируя ситуацию с атаками на Абкаик, председатель Объединенного комитета начальников штабов США генерал Джозеф Данфорд ясно дал понять арабским монархиям Персидского залива, что даже при увеличении численности американского персонала на Ближнем Востоке и предоставлении Саудовской Аравии новых вооружений Вашингтон не сможет гарантировать безопасность нефтяной инфраструктуры в Персидском заливе. Фактически странам ССАГПЗ был послан сигнал о том, что им пора самим позаботиться о своих проблемах. Показательно и то, что власти США, несмотря на свой антииранский настрой, не стали поддерживать КСА в его попытках возложить на Иран ответственность за подготовку атак на Абкаик и Хурайс. В 2019 г. власти США старались реагировать на агрессивные шаги Ирана в регионе словесно или применяя экономические рычаги воздействия. Силовую акцию в свой адрес Тегеран получил лишь тогда, когда в конце 2019 г. проиранские силы в Ираке активизировали боевые действия против американских граждан, что привело к человеческим жертвам. Ответ был жестким и привел к гибели высокопоставленного офицера КСИР К.Сулеймани в начале января 2020 г.¹⁴ Однако с инцидентами с нефтяной инфраструктурой Персидского залива в 2019 г. эти действия непосредственной связи не имели.

III. Что изменилось?

Угрозы поставкам нефти из региона Персидского залива не привели к панике на мировом нефтяном рынке и не вызвали жесткой реакции со стороны США. Это было обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, для Соединенных Штатов регион Персидского залива в значительной степени утратил свою былую значимость как источник сырья. Активно наращивая производство собственной нефти и выйдя на рынок в качестве ее экспортера, США во второй половине 2010-х годов активно сокращали ее закупки из стран Персидского залива (пик импорта нефти из региона в США пришелся на 2001 г.), в то время как зависимость азиатских государств от покупок местных углеводородов, наоборот, росла.¹⁵ Это закономерно делает руководство США менее заинтересованным в несении единоличной ответственности за защиту нефтяной инфраструктуры Персидского залива, в то время как этой инфраструктурой пользуются и оппоненты (конкуренты) Вашингтона, включая КНР.¹⁶ Двойственная реакция США на атаки на объекты Абкаика и Хурайса могла быть своеобразным посланием странам Персидского залива: «мы с вами, но рассчитывать только на нас уже не стоит».

Более того, с превращением США в одного из экспортеров нефти, изменилась и логика поведения американцев, для которых теперь проблемы нефтепроизводителей Персидского залива могут даже предоставлять определенные возможности. В частности, сразу после инцидента в Абкаике

китайские импортеры сжиженного нефтяного (углеводородного) газа (СУГ) всерьез задумались о дополнительных закупках СУГ из США, чтобы компенсировать возможные задержки с поставкой сырья из Саудовской Аравии. Примечательно, что даже высокие тарифы, сделавшие американскую продукцию дорогой для компаний из Китая, не помешали китайским потребителям рассмотреть американское предложение. Одновременно, в сентябре 2019 г., нефтяная промышленность США получила из Белого дома сигнал о том, что ей необходимо продолжать расти, чтобы обеспечить энергетическую безопасность своей страны и нарастить присутствие на зарубежном рынке в то время, как другие поставщики испытывают проблемы.¹⁷

США не были одиноки в своем желании воспользоваться саудовскими проблемами. Премьер-министр канадской провинции Альберта Джейсон Кенни был еще более точен в своих заявлениях, сделанных в сентябре 2019 г. Он утверждал, что нефтяная промышленность Альберты расположена в гораздо более безопасном месте, чем нефть Персидского залива, выразив надежду, что мировые потребители нефти будут уделять больше внимания Канаде как альтернативному поставщику.¹⁸

Во-вторых, ни одна экономическая или политическая структура в мире не может существовать в условиях постоянного ощущения угрозы. Подобно живому существу, она будет стремиться это ощущение минимизировать, что, в конечном счете, и произошло. Политическая турбулентность в зоне Персидского залива и ее периодическое влияние на ценовую конъюнктуру заставили других игроков искать выход из сложившейся ситуации. Наиболее логичным ответом было формирование собственных резервов, которые позволили бы нивелировать риски введения нефтяного эмбарго или возникновения серьезных перебоев с поставками углеводородов. Не последнюю роль в стабилизации ситуации на глобальном нефтяном рынке после атак на Абкаик и Хурайс сыграл тот факт, что имеющихся мировых запасов нефти оказалось достаточно для удовлетворения существующего спроса на срок до четырех месяцев. Этого периода было достаточно для того, чтобы мировая экономика смогла перестроить структуру поставок и задействовать альтернативные производственные мощности.

В-третьих, изменился сам рынок. Бурный рост производства сланцевой нефти в США (с учетом снятых в 2015 г. ограничений на нефтяной экспорт) и активное развитие нефтяной промышленности в странах за пределами ОПЕК+ перенасытили мировой рынок, дав потребителям возможность выбора и диверсифицировав круг поставщиков. Еще до начала пандемии COVID-19 переизбыток предложения нефти на мировом рынке в 2020 г. ожидался в объеме до 2 млн. баррелей в сутки (примерный эквивалент объемов иранского экспорта нефти до восстановления американских санкций в 2018 г.). С учетом фактора пандемии переизбыток составил уже 9 млн. баррелей в сутки в среднегодовом показателе (что близко к объему добычи нефти в КСА в марте 2020 г.). Это отразилось на психологии потребителей, которые уже не паникуют при возникновении производственных шоков так, как это они делали ранее. Характерно, что в 2019 г. ни нестабильность производства нефти в Ливии, ни практический уход с рынка нефтепроизводителей Ирана и Венесуэлы не возымели существенного эффекта на цены, в лучшем случае удержав их от дальнейшего падения. При переизбытке предложения производственные шоки оказывают краткосрочное воздействие на рынок, так как спросу теперь требуется меньше времени для приспособления к ним, чем предложению при изменении поведения потребителей.

На этом фоне Персидский залив остается важным, но далеко не единственным источником поставок нефти на внешние рынки даже для своих традиционных азиатских потребителей. В результате происходит смещение акцентов в обеспечении энергетической безопасности региона. Если ранее проблема заключалась в обеспечении гарантированного доступа потребителей к энергоресурсам, то теперь первостепенной задачей стало обеспечение устойчивого доступа местных производителей к рынкам сбыта. Добиться этого может быть непросто из-за сложной ситуации на нефтяном рынке в 2020 г. и возможного обострения ирано-американского противостояния в Персидском заливе.

IV. Между Сциллой коронавируса и Харибдой Ирана

Вследствие того, что вспышка заболеваемости COVID-19 переросла в охватившую весь мир пандемию, нефть потеряла более 50% своей стоимости из-за резкого падения спроса на нее. Новая сделка ОПЕК+, объявленная в апреле 2020 г., была призвана помочь стабилизировать цены, однако ее перспективы не выглядели многообещающими. Участвующие в сделке страны-экспортеры нефти договорились сократить общий объем добычи на 9,7 млн. баррелей в сутки, но этого было недостаточно для немедленного улучшения ситуации. С учетом апрельского снижения спроса на нефть на 28 млн. баррелей в сутки и крайне ограниченных перспектив роста ее потребления, в мае–июне 2020 г. ОПЕК+ сможет забрать с рынка лишь до 65% избыточного предложения. Последующее восстановление спроса будет идти медленно и зависеть от динамики пандемии COVID-19. Если не будет второй волны заражения, то мировой спрос на нефть вернется к уровню 2019 г. лишь к ноябрю–декабрю 2020 г. Однако даже такая ситуация не означает стабилизации нефтяного рынка к зиме 2020/2021 г. Мировая экономика все еще будет «сжигать» дополнительные баррели нефти, накопленные в запасах во время пика избыточного предложения в первой половине 2020 г., что обеспечит период низких цен на нефть и в 2021 г.

Все это не обещает ничего хорошего производителям нефти в Персидском заливе. Прежде всего, низкие цены на нефть в условиях глобального переизбытка предложения означают неизбежную агрессивную войну за передел рынка. Они уже разрушают региональную экспортную специализацию, открывая доступ к традиционным рынкам сбыта углеводородов для новых поставщиков. Так, западноафриканские, латиноамериканские и североамериканские компании стремятся усилить свое присутствие в Китае, тем самым бросая вызов Ираку и странам ССАГПЗ, которые тоже ведут ценовую войну друг с другом.

В такой ситуации нефтедобывающим странам Персидского залива ни в коем случае нельзя терять свои конкурентные преимущества. Обострение ирано-американского противостояния в данном случае оказалось очень некстати. Как уже отмечалось, последствия потрясений, вызванных снижением объема добычи, менее долгосрочны, чем последствия изменений в поведении потребителей. В случае производственного шока правила рынка играют ведущую роль, корректируя баланс спроса и предложения. Однако поведение потребителей в основном определяется психологическими представлениями и ожиданиями, которые не всегда соответствуют правилам экономики.

В этих условиях опасения потребителей относительно того, что сбои в поставках сырья из Персидского залива могут повториться, способны изменить их поведение, заставив искать пути по снижению своей зависимости от нефти из этого

региона. Этот процесс, в первую очередь, затронет азиатских покупателей саудовской нефти (Китай, Индию, Южную Корею и Японию), процент зависимости которых от импорта из Эр-Рияда колеблется от 16% до 36%.¹⁹ Не следует сбрасывать со счетов и то, что в середине января 2020 г. Китай и США подписали так называемую первую фазу торгового соглашения, включающую обязательство КНР по многомиллиардному экспорту нефти и нефтехимической продукции из США. Это обещание серьезно ограничит возможности стран Персидского залива увеличить (а то и просто сохранить) свою долю рынка в КНР. Китайская стратегия диверсификации поставок углеводородов может сыграть свою роль в ущерб интересам поставщиков из Персидского залива. К 2020 г. КСА удалось значительно увеличить свою долю на китайском рынке, однако это, возможно, произошло случайно: китайскому руководству срочно понадобился поставщик для замены Ирана, Венесуэлы или США, и у него не было времени выбрать оптимальный из имеющихся вариантов. Между тем увеличение доли Саудовской Аравии в китайском нефтяном импорте идет вразрез с пекинскими принципами национальной энергетической безопасности, предполагающими широкую диверсификацию источников импорта нефти. Следовательно, в 2020 г. Пекин, возможно, попытается замедлить рост своей зависимости от Саудовской Аравии. В этой связи расширение китайского сотрудничества с поставщиками из других регионов выглядит вполне вероятным сценарием.²⁰

Необходимо учитывать и то, что по состоянию на текущий момент Иран может и не быть серьезно заинтересованным в обеспечении безопасности поставок нефти из региона, ввиду того, что страна практически прекратила экспорт нефти (к февралю 2020 г. он составлял лишь около 250 тысяч баррелей в сутки) в результате международных санкций.²¹ Вместе с тем к агрессивным действиям Тегеран, по крайней мере на словах, готов. После смерти К.Сулеймани Иран оставляет за собой право вмешиваться в дела стран региона в ответ на направленные против него действия США. При этом ответные действия Ирана могут быть осуществлены как на территории тех стран, в которых члены ССАГПЗ имеют важные интересы, так и непосредственно на территории самих арабских монархий Персидского залива. Странам ССАГПЗ напрямую указывается, что при исчезновении американского фактора исчезнут и основания для агрессивных действий со стороны ИРИ. Как отмечают в Тегеране, члены ССАГПЗ четко должны понимать, что США не обеспечат их необходимой и эффективной защитой, в то время как расходы на антииранскую блоковую активность будут только увеличиваться, оказывая ненужное давление на экономику стран региона. Обезопасить себя от «иранского гнева» странам ССАГПЗ можно якобы исключительно путем диалога с Ираном через череду малых шагов по сотрудничеству навстречу друг другу и посредством формирования новой системы региональной безопасности усилиями самих региональных игроков.

На этом фоне иранцы сознательно позиционируют саудовцев как самостоятельного игрока в регионе, а не американского союзника, таким образом еще в большей степени возлагая именно на Эр-Рияд ответственность за нынешнюю нестабильность. Помимо того, что Саудовская Аравия обвиняется в дестабилизации Йемена, Сирии и Ирака, на нее также возлагается вина за вовлечение в эти конфликты американцев: мол, США уже давно бы снизили свою «деструктивную» активность в регионе, если бы не Эр-Рияд, который зовет их на помощь каждый раз, когда не может справиться с возникающими трудностями. По утверждению Тегерана, в 2019 г. КСА активно наращивало финансовую поддержку сепаратистских движений на территории Ирана, не ограничиваясь провинцией

Хузестан, а подпитывая также (через пакистанские спецслужбы) действия белуджских сепаратистов, включая членов военизированной организации «Джунд Алла». Все это, с иранской точки зрения, оправдывает возможные силовые акции Тегерана в защиту своих интересов в регионе Персидского залива. Как подчеркивают в Тегеране, властям КСА не стоит рассчитывать на то, что уход американцев из региона или даже заключение ирано-американского соглашения приведет к автоматической разрядке в отношениях Ирана и КСА. Иными словами, до саудитов доводится мысль о том, что им придется самим, отдельно от США налаживать диалог с иранцами для того, чтобы избежать бесконечной конфронтации. В такой ситуации КСА и их партнерам по ССАГПЗ предлагается как можно скорее начать конструктивное обсуждение иранской инициативы 2019 г. по стабилизации ситуации в районе Ормузского пролива и рассмотреть возможность налаживания экономического сотрудничества с Ираном.

V. Вместо заключения

Меняющаяся повестка обеспечения энергетической безопасности стран Персидского залива сделала большинство из них уязвимыми перед негативными последствиями ирано-американской конфронтации, продолжение которой может побудить покупателей нефти из Ирака и стран ССАГПЗ переориентироваться на других продавцов.

Это усиливает финансовое давление на страны региона, учитывая, что бюджеты большинства из них были дефицитными еще до начала произошедшего в феврале 2020 г. обвала цен на нефть: в 2020 г. комфортный уровень нефтяных цен для бюджетов Ирака и стран ССАГПЗ варьировался от 40 долларов для Катара до 76 долларов для Саудовской Аравии.²² Резкое падение нефтяных цен приведет к неизбежному сокращению бюджета в 2020 г. и, скорее всего, в 2021 г. В марте 2020 г. Эр-Рияд потребовал от правительственных ведомств представить предложения по 20-процентному сокращению расходов. Саудовские власти объявили о пятипроцентном сокращении бюджета, которого все еще будет недостаточно для покрытия растущего дефицита. В марте Оман также анонсировал, что бюджеты его гражданских, военных и силовых ведомств будут сокращены на 5%. О сокращении государственных расходов на 2020 г. заявил и Бахрейн. Как это уже бывало раньше, от этих сокращений, в первую очередь, вероятно, пострадают социальные программы, частный сектор и рабочие места для экспатов. Впоследствии падение объема денежных переводов из стран Персидского залива скажется на системах социального обеспечения тех ближневосточных стран, которые традиционно обеспечивают членов ССАГПЗ рабочими руками.

Ненефтяные секторы экономики, страдающие от пандемии коронавируса, не в состоянии генерировать такие доходы, которые могли бы компенсировать, по крайней мере, часть потерь, вызванных падением цен на нефть или сокращением объемов ее поставок на внешние рынки. Напротив, бюджеты стран ССАГПЗ перегружены чрезвычайными расходами, выделяемыми на борьбу с негативными экономическими последствиями вспышки COVID-19 и на поддержку своих ненефтяных секторов. Предпринимаемые государствами региона шаги варьируются от сокращения бюджетов и замораживания расходов на амбициозные проекты до дополнительных мер финансовой поддержки и субсидий. В апреле 2020 г. стоимость стимулирующих мер поддержки малого и среднего бизнеса, банковских и финансовых институтов оценивалась в 32 млрд. долл. для

Саудовской Аравии, 70 млрд. долл. для ОАЭ, 11,38 млрд. долл. для Бахрейна, 16 млрд. долл. для Кувейта, 20,8 млрд. долл. для Омана и 23,4 млрд. долл. для Катара. Для сравнения, соответствующие расходы России оцениваются в 28 млрд. долл. При этом затраты продолжают расти. Например, к началу мая 2020 г. Эр-Рияд также выделил 2,4 млрд. долл. на поддержку занятых в частном секторе местных жителей и 13,3 млрд. долл. на дополнительную финансовую поддержку предприятий частного сектора, включая скидки на счета за электроэнергию и финансирование зарплат.²³

Сокращение доходов от нефти неизбежно замедлит реализацию новых нефтяных проектов, что, вместе со снижением других видов экономической деятельности, приведет к сокращению ВВП стран ССАГПЗ и Ирака. Международный валютный фонд уже пересмотрел свои прогнозы экономического роста в Персидском заливе на 2020 г. По его оценкам, экономика Саудовской Аравии сократится на 2,3%, Ирана – на 6%, Катара – на 2,3%, Кувейта – на 1,1%, Омана – на 2,8%, Ирака – на 4,7% и Бахрейна – на 3,6%. В этих условиях продолжение ирано-американской конфронтации будет для остальных стран Персидского залива наименее благоприятным сценарием развития событий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ The Routledge Handbook of Energy. Ed. by B.K.Sovacool. – London: Routledge, 2011.

² World Energy Trilemma Index 2019. – London: World Energy Council, 2019.
URL: <https://www.worldenergy.org/publications/entry/world-energy-trilemma-index-2019>.

³ Dannreuther R. Energy security. – Cambridge: Polity, 2017. P. 9–32.

⁴ Сапир Ж. Энергобезопасность как всеобщее благо // Россия в глобальной политике. 28.12.2006. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/energobezopasnost-kak-vseobshhee-bлаго>.

⁵ Там же.

⁶ Elkind J. Energy security: call for a broader agenda // Energy Security: Economics, Politics, Strategies and Implications. Ed. by C.Pascual and J.Elkind. – Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2010. P. 119–148.

⁷ BP Statistical Review of World Energy 2019. – London: British Petroleum, 2019. P. 14–29.
URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf>.

⁸ Ibid.

⁹ Dannreuther R. Op. cit. P. 59–67.

¹⁰ Петлевой В., Мухаметшина Е., Кочеткова С. Нефть может подорожать до 100 долларов за баррель // Ведомости. 15.09.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/09/15/811294-neft-podorozhat>.

¹¹ Mishrif A. Industrialization and diversification strategies in the GCC countries. International Conference on Innovation and Economic Diversification in Gulf Cooperation Council's National Development Plans (IED18). 14.03.2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/330081651_Industrialization_and_Diversification_Strategies_in_the_GCC_Countries.

¹² Dobashi F., Heng H., Zhang M. Feedstock supplies to Saudi petrochemical firms improve // S&P Global Platts. 20.09.2019. URL: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/petrochemicals/092019-feedstock-supplies-to-saudi-petrochemical-firms-improve>.

¹³ Iran in 'battlefield' threat as US sends troops // Gulf News. 21.09.2019.
URL: <https://gulfnews.com/world/mena/iran-in-battlefield-threat-as-us-sends-troops-1.66575555>.

¹⁴ Barnes J.E. American contractor killed in rocket attack in Iraq // New York Times. 27.12.2019.
URL: <https://www.nytimes.com/2019/12/27/us/politics/american-rocket-attack-iraq.html>.

¹⁵ Rapier R. How much oil do we import from the Middle East? // Forbes. 07.01.2020.
URL: <https://www.forbes.com/sites/rrapier/2020/01/07/how-much-oil-do-we-import-from-the-middle-east/#3cb9fe8421c6>.

¹⁶ Miere Ch. Asian states may need to protect Mideast oil supply // Asia Times. 27.01.2020.
URL: <https://asiatimes.com/2020/01/asian-states-may-need-to-protect-mideast-oil-supply>.

¹⁷ Gordon M. US, Canadian oil producers stress supply security after Saudi attack // S&P Global Platts. 16.09.2019. URL: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/oil/091619-us-canadian-oil-producers-stress-supply-security-after-saudi-attack>.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Yep E. Analysis: Saudi disruptions expose Asia's deficient emergency oil reserves // S&P Global Platts. 19.09.2019. URL: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/oil/091919-analysis-saudi-disruptions-expose-asias-deficient-emergency-oil-reserves>.

²⁰ Vahn G. Asia's crude oil buyers pivot towards US crude // S&P Global Platts. 10.12.2019.
URL: <https://www.spglobal.com/en/research-insights/articles/asia-s-crude-oil-buyers-pivot-towards-us-crude>.

²¹ Khatinoglu D. Iran crude oil exports drop to less than 250,000 bpd In February // Radio Farda. 02.03.2020. URL: <https://en.radiofarda.com/a/iran-crude-oil-exports-drop-to-less-than-250-000-bpd-in-february/30464729.html>.

²² International Monetary Fund Database. URL: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=60214246>.

²³ Pradhan P.K. COVID-19 and GCC Countries. Infectious Diseases Association of America (IDSA) Comment. 16.04.2020. URL: <https://idsa.in/idsacomments/covid19-gcc-pkpradhan-160420>.

БИБЛИОГРАФИЯ / BIBLIOGRAPHY

1. Barnes J.E. American contractor killed in rocket attack in Iraq // New York Times. 27.12.2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/12/27/us/politics/american-rocket-attack-iraq.html>.
2. BP Statistical Review of World Energy 2019. 68th ed. – London: British Petroleum, 2019. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2019-full-report.pdf>.
3. Dannreuther R. Energy security. – Cambridge: Polity, 2017.
4. Dobashi F., Heng H., Zhang M. Feedstock supplies to Saudi petrochemical firms improve // S&P Global Platts. 20.09.2019. URL: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/petrochemicals/092019-feedstock-supplies-to-saudi-petrochemical-firms-improve>.
5. Elkind J. Energy security: call for a broader agenda // Energy Security: Economics, Politics, Strategies and Implications. Ed. by C.Pascual and J.Elkind. – Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2010.

-
6. Gordon M. US, Canadian oil producers stress supply security after Saudi attack // S&P Global Platts. 16.09.2019. URL: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/oil/091619-us-canadian-oil-producers-stress-supply-security-after-saudi-attack>.
 7. Iran in 'battlefield' threat as US sends troops // Gulf News. 21.09.2019. URL: <https://gulfnews.com/world/mena/iran-in-battlefield-threat-as-us-sends-troops-1.66575555>.
 8. Khatinoglu D. Iran crude oil exports drop to less than 250,000 bpd In February // Radio Farda. 02.03.2020. URL: <https://en.radiofarda.com/a/iran-crude-oil-exports-drop-to-less-than-250-000-bpd-in-february/30464729.html>.
 9. Miere Ch. Asian states may need to protect Mideast oil supply // Asia Times. 27.01.2020. URL: <https://asiatimes.com/2020/01/asian-states-may-need-to-protect-mideast-oil-supply>.
 10. Mishrif A. Industrialization and diversification strategies in the GCC countries. International Conference on Innovation and Economic Diversification in Gulf Cooperation Council's National Development Plans (IED18). 14.03.2018. URL: https://www.researchgate.net/publication/330081651_Industrialization_and_Diversification_Strategies_in_the_GCC_Countries.
 11. Petlevoy V., Mukhametshina E., Kochetkova S. Neft' mozhet podorozhat' do 100 dollarov za barrel' // Vedomosti. 15.09.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/09/15/811294-neft-podorozhat>.
Петлевой В., Мухаметшина Е., Кочеткова С. Нефть может подорожать до 100 долларов за баррель // Ведомости. 15.09.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2019/09/15/811294-neft-podorozhat>.
 12. Pradhan P.K. COVID-19 and GCC Countries. Infectious Diseases Association of America (IDSA) Comment. 16.04.2020. URL: <https://idsa.in/idsacomment/covid19-gcc-pkpradhan-160420>.
 13. Rapier R. How much oil do we import from the Middle East? // Forbes. 07.01.2020. URL: <https://www.forbes.com/sites/rrapier/2020/01/07/how-much-oil-do-we-import-from-the-middle-east/#3cb9fe8421c6>.
 14. The Routledge Handbook of Energy. Ed. by B.K.Sovacool. – London: Routledge, 2011.
 15. Sapir J. Energobezopasnost' kak vseobshchee blago // Rossiya v globalnoi politike. 28.12.2006. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/energobezopasnost-kak-vseobshchee-bлаго>.
Сапир Ж. Энергобезопасность как всеобщее благо // Россия в глобальной политике. 28.12.2006. URL: <https://www.globalaffairs.ru/articles/energobezopasnost-kak-vseobshchee-bлаго>.
 16. Vahn G. Asia's crude oil buyers pivot towards US crude // S&P Global Platts. 10.12.2019. URL: <https://www.spglobal.com/en/research-insights/articles/asia-s-crude-oil-buyers-pivot-towards-us-crude>.
 17. World Energy Trilemma Index 2019. – London: World Energy Council, 2019. URL: <https://www.worldenergy.org/publications/entry/world-energy-trilemma-index-2019>.
 18. Yep E. Analysis: Saudi disruptions expose Asia's deficient emergency oil reserves // S&P Global Platts. 19.09.2019. URL: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/oil/091919-analysis-saudi-disruptions-expose-asias-deficient-emergency-oil-reserves>.